

Дела в обозримой Вселенной шли своим чередом. Глашатай с минарета Озириса кричал о последней инициативе жрецов – продлить срок полномочий Фараона ещё лет на 40. На площади под ним обсуждали посмертное присвоение ордена Скарабея последнему несогласному. Короче, все заняты важными делами, а я как последний дервиш, сидел в каком-то заброшенном Храме и ждал. А чего — сам не знал. То есть знал, но не совсем. И не я.

А как всё хорошо начиналось! Пришли в город. Пообщались с людьми, разогнали толпу. Мудрец, чего с ним давно не случалось, соизволил напрямую отвечать на вопросы и даже разъяснил один запутанный момент о множественности реальностей. Конечно, я расслабился. И не подумав, спросил, существует ли общая, истинная реальность. Мудрец так обрадовался моему вопросу, что мне сразу захотелось принять обет молчания. Пару лет назад. Ведь по нему выходит, что знание – это информация, проверенная на практике. Другими словами – на собственной шкуре.

И вот я сижу в прямоугольном, залитым солнцем внутреннем дворике и жду. Мудрец сказал, что здесь я всё и узнаю. Узнаю, конечно. Вот, сейчас солнце ещё немного подымится и будет мне шикарный тепловой удар. О, в глазах уже темнеет...

Окружающий мир как то уж слишком быстро стал меркнуть, сверкающие солнечной белизной стены посерели, а каменный пол почему-то превратился в деревянный. И вообще, это был уже не храм, а сумрачная комната, в которой я вроде на чём-то сидел.

Справа серели прямоугольники окон, разбрасывающие по углам огромные тени. Они не освещали, а скорее затемняли помещение. А прямо передо мной, в расплывающемся пятне тьмы белело сведённое страхом и ненавистью лицо. Не думая, я поднял руки к груди и так как это делал мудрец, оттолкнул от себя эту жуть.

Тьма брызнула в стороны, открыв маленького человечка скрывающегося за большим, начальственного вида столом. От моего толчка (хотя я не дотрагивался до него), человечка распластало на спинке слишком высокого для него кожаного кресла, а что-то тёмное вылетело у него из-за спины.

Дальше стало совсем нехорошо. Оторвавшаяся от своего владельца тень нырнула в стену, оставив на ней отпечаток в виде тёмной кляксы. Из него вышли другие тени и утащили съёжившееся тело с собой. Кажется, подцепив его вилами. Я же стал проваливаться в противоположную сторону. Как будто позади открылся длинный туннель, куда я и падал спиной вперёд. Мир сумрачной комнаты быстро, как на рельсах потустороннего метро отъезжал прочь и вскоре превратился в точку. Потом пропала и она.

Одно из двух – либо мне только кажется, что я падаю, — пронеслась мимо меня мысль, — а на самом деле лечу по этому туннелю вверх, тогда впереди должен быть свет и хорошая компания, либо я действительно падаю, тогда всё закончится кучей сухих листьев и весьма странной, компанией.

Как я ошибался, — сказал внутренний голос и ушёл в подсознание. Света не было, листьев

тоже. Мир представлял собой бесконечное поле с разбросанными по нему однотипными по состоянию разрушения хибарами и растущими между них дынями. Сверху всю эту обыденность придавливало низкое серое небо.

Около ближайшего дома, стоял длинный деревянный стол. Я был прав! — гордо заявил голос предчувствия, возвращаясь. За ним располагалась весьма странная компания. Рядом с прислонённой к столу косой сидела закутанная в тёмный с капюшоном плащ фигура, а напротив этой средневековой классики, спиной ко мне ещё двое — молодой парень, смахивающий на бродягу в одежде с чужого плеча и... Мудрец. Его я узнал даже в этом непонятно для чего надетом им сером балахоне, не то дождевике, не то плащ-палатке. Своей пустотой стол перед ними гармонично вписывался в окружающий печальный пейзаж.

— Присаживайся, — обернулся ко мне парень, — тебя как звать?

Вопрос, как говорится, застал меня врасплох. Почему-то очень не хотелось называть своё имя в присутствии фигуры с косой, но и садиться за стол, не назвавшись, было неловко.

— Мотылёк его зовут, — с таинственным видом сообщил Мудрец. Я то давно его знал и видел, с каким трудом ему удаётся сохранить серьёзное выражение лица.

— О! — Молодой человек смотрел на меня с растущим уважением. — Из этих, спящих?

— Да, — не выдержав, расхохотался мой добрый наставник, — всегда спит...

Когда я сел между ними из дома вышла женщина и окинула свой огород внимательным взглядом. Нас она даже не заметила.

— Она всю жизнь выращивала дыни, — тихо сказал мне Мудрец. Теперь он был очень серьёзным. — Но в один год у неё украли весь созревший урожай. И на следующий год то же. Она продолжала выращивать дыни и пыталась подстеречь вора. Пока однажды утром не увидела на своём поле молодого мужчину. Он ей понравился и хоть был он простым бродягой, женщина оставила его у себя в доме и они поженились.

В тот год её урожай никто не тронул. Но однажды утром, когда подошло время сбора следующего урожая, она проснулась и не обнаружила рядом мужа, хотя он всегда вставал позже неё. Женщина вышла в огород и увидела его с дыней в руках. Не проронив ни слова, она взяла нож и убила его. А на следующий день весь урожай исчез.

Всю оставшуюся жизнь, — продолжил после паузы Мудрец, — женщина продолжала выращивать дыни и стеречь вора. Но он ей так и не попался, хотя урожай продолжал пропадать. А когда за ней пришла Смерть, — Мудрец кивнул на задрапированную в плащ фигуру, — она отказалась уйти с ней. Пока не найдёт вора.

— И что, — я посмотрел на неподвижную как остановившиеся часы фигуру, — она так и ждёт?

— А что ей ещё остаётся?

— Ну... могла бы помочь ей найти этого вора и забрала бы... обоих. — Я понял, что сморозил глупость, прежде чем закрыл рот, но неожиданно получил ответ оттуда, откуда не ждал.

— Как я могу найти того, кого нет, и никогда не было?! — сказал очень тихий, но проникающий до глубины души бесстрастный голос.

— Эти дыни, работа на огороде и ежегодные кражи, просто плохой затянувшийся сон, — грустно объяснил Мудрец. А она не может из него освободиться, потому что все силы тратит на его продолжение.

За столом повисло молчание. По земле пробежала тень и без того серое небо закрывала большая туча. Начался мелкий, но не предвещающий ничего хорошего дождик.

В быстро наступающих сумерках я посмотрел на Мудреца.

— Зачем мы здесь?

— Ты ведь хотел увидеть истинную реальность... — пожал плечами он, равнодушно глядя на появившуюся из дома женщину с дыней в руках. Она подошла к столу и как жертвоприношение возложила её перед ним. Мудрец надел капюшон, дождь резко усилился, гулко и часто стуча по столу.

— Вам пора, — сказал тихий голос. Его обладатель в своём тёмном плаще был уже почти невидим.

— Давай, мотылёк, просыпайся, — усмехнулся молодой бродяга. — А то останешься таким бессмертным... — остаток фразы заглушил обрушившийся с неба поток. Я попытался быстро выскочить из-за стола, запнулся за лавку и упал спиной на пыльные и очень жёсткие камни храма.

Рядом стоял Мудрец. Одетый всё в тот же серый дождевик, да ещё в капюшоне... от одного его вида в памяти начали всплывать какие-то невнятные картины — люди в серых развевающихся плащах, куда то бежали, прыгали выше головы и рубились на разноцветных световых мечях.

Сцены из прошлой жизни, наверно. Только непонятно моей или его. Но сейчас меч у Мудреца в руках не было, зато он держал дыню и был чем-то доволен. Явно нужно было о чём-то спросить, только в голове мысли не задерживались, порхали как... мотыльки. Вот, одна мысль переступила лапками и, проснувшись, расправила крылышки.

— Причём тут мотылёк и почему спящий?

— А, — махнул рукой Мудрец, — не забивай себе голову. — Спящий Мотылёк, это сакральное имя основателя этого храма, он, кстати, так и называется – Храм Спящего Мотылька. Его основатель выдвинул идею Пустоты, не существования. А мир и всё в нём, по его теории был не более чем сон во сне. Проще говоря, всё снилось ему, а он сам тоже был чужим сном. Первое время у него были последователи, которые и построили этот храм.

— И чем они здесь занимались?

— А вот сидели в этом дворике, как ты сейчас и спали.

— Но зачем?

— Пытались проснуться. Для них весь мир был затянувшимся сном.

Дворик был не очень большим, вряд ли здесь могло поместиться много сновидцев. Заходящее солнце мягко освещало каменные стены и в этих косых лучах, под слоем вековой пыли неожиданно стали видны рисунки. Многие были разрушены, но на остальных угадывались изображения летящих мотыльков и скарабеев. Причём последние без своих знаменитых шаров. Видимо считалось, что, только освободившись от этой главной своей собственности, скарабей мог рассчитывать обрести свободу мотылька.

— А почему храм разрушен?

— Трудно, знаешь ли, серьёзно обучать учеников, которые тебе снятся. Со временем здесь никого не осталось. Можно сказать, что Храм обрёл то, к чему стремились его обитатели – Пустоту.

Тут я обнаружил, что до сих пор полусижу, полулежу на полу, и попытался встать, вот только ноги не слушались, занемели до полной нечувствительности. Пришлось растирать мышцы. Когда кровь вернулась во все положенные места, а первые судороги прошли, Мудрец одной рукой помог мне подняться. В другой он крепко держал дыню.

— А может это не дыни ей сняться, а она является коллективным сновидением дынь? Для них то, как раз мир и представляет собой бесконечное поле... где они и живут, а потом приходит кто-то с косой или ножом и уносит в неизвестность.

— Настоящий ответ спящего мотылька! — восхитился Мудрец, — но для женщины то, какая разница, кто кому снится, если всё что у неё, да и у нас всех есть, Мудрец сунул мне под нос свою дыню — это страдание?

<http://tl.rulate.ru/book/33992/740815>